

Исторический факультет современного Башкирского государственного педагогического университета (ныне Институт истории и права) уже имеет свою историю. Возникновение его относится к середине 70-х годов XX века и связано с именем ректора – Кузеева Рустема Гумеровича, возглавившего вуз в начале 70-х годов. Все, кто работал с ним, и я в том числе, помнят Рустема Гумеровича как человека умного, деятельного, поразительно подвижного, открытого, большого энтузиаста педагогического образования в Башкирии.

Придя в БГПИ в качестве ректора, он стремился превратить институт в лучший и непременно современный вуз Башкирии, сделать его базовым центром педагогического образования в республике. Ректора интересовали и другие педагогические вузы страны, куда он посылал представителей своей администрации с целью изучения их опыта. Так я побывала в педагогическом институте Ростова-на-Дону, где функционировал историко-английский факультет. Е.К. Миннибаев, ныне ректор Восточной экономико-юридической гуманитарной академии в Уфе (ВЭГУ), ездил на совещание в Псков.

Рустему Гумеровичу в начале 70-х годов было немногим более 50-ти лет. Он был участником Великой Отечественной войны, имел не только боевые награды, но и ранения. Железным здоровьем он не обладал. Несмотря на это, задавал такой энергичный ритм жизни вуза, что порою можно было наблюдать проявления некоторого недовольствия среди сотрудников: «Опять совещание! Опять заседание! Опять мероприятие!...»

Но педагогический институт энергично развивался путём, намеченным ректором, а это нравилось всем: открывались новые факультеты и кафедры, шло строительство новых зданий. Был построен главный корпус института и современное 9-этажное студенческое общежитие. Институту передавались старые, а порою и старинные здания по улицам Ленина и Октябрьской Революции, что также требовало немалых забот ректора по их реконструкции и ремонту. На моей памяти открылись биологический и художественно-графический факультеты, факультет физкультуры и спорта, оборудован отличный спортзал.

Однако отсутствие исторического факультета для ректора-историка, доктора исторических наук было неприемлемо. Но открыть чисто исторический факультет, несмотря на популярность исторического образования в республике, в той ситуации было невозможно. На базе педагогических институтов по всей стране открывались невиданные ранее историко-английские факультеты для удовлетворения запросов малокомплектных сельских школ. Нужны были учителя-«многостаночники», способные преподавать сразу несколько предметов. По поводу этих факультетов острословы язвительно шутили: «ни истории, ни английского». Такой факультет был запланирован, создан и сыграл свою положительную роль в БГПИ. Лучшие студенты исторической специальности, окончившие факультет, поступали в аспирантуру и оканчивали её защитой.

В 1973 году на базе и в здании факультета иностранных языков (старое здание БГПИ) начал учёбу первый на-

бор историко-английского факультета, осуществлявшийся кафедрой истории КПСС, – других историков в институте не было. Куратором этого набора стала Леонова Татьяна Алексеевна, вчерашняя выпускница исторического факультета МГУ. Она разработала и читала нашим первокурсникам историю Древнего мира, хотя считала себя специалистом по европейскому средневековью. По характеру была достаточно независимой, что проявлялось даже в её манере одеваться – носила туфли на высоких каблуках, которые делали её значительно выше мужа, на что она, как человек самодостаточный, не обращала внимания.

Учебная документация по историко-англичанам велась на инфаке. Деканат инфака по этому поводу особого удовольствия не испытывал – дополнительная работа. Ждали введения в учебный оборот нового здания института, в 1974 году ставшего главным. Оно было построено из недорогого панельного материала, очень популярного в строительстве 60–70-х годов XX века. Это здание с большим количеством окон, особенно ярко сиявших на весеннем солнце после ленинских субботников, институтский народ прозвал «стекляшкой».

В конце августа 1974 года я была приглашена Рустемом Гумеровичем на работу в БГПИ в качестве и.о. декана формирующегося факультета. Работала на общественных началах. Заместителем декана была назначена Т.А. Леонова. Упомянув ещё раз Татьяну Алексеевну, я вдруг подумала, что в течение многих лет, даже десятилетий, мы с ней ходили чуть не по одной дороге. Мы с моим мужем – ихтиологом, тоже выпускником МГУ, были распределены в Калининград (Кенигсберг), где жила и училась в средней школе Татьяна Алексеевна, дочь военнослужащего. Проработав по распределению положенные три года, я вернулась в аспирантуру МГУ, где училась теперь уже студентка истфака Татьяна Алексеевна. Позднее, при содействии Рустема Гумеровича, я приехала в

*Здание исторического факультета БГПУ
на улице Октябрьской Революции, 55*

Уфу и работала в БГУ на одной кафедре с её мужем. И лишь переход на работу в БГПИ позволил мне познакомиться с Татьяной Алексеевной лично. Но и на этом всё не закончилось: когда мне в БГПИ предоставили двухкомнатную квартиру, в мою однокомнатную въехала семья Леоновых.

Для деканата историко-английского факультета и, одновременно, кафедры была определена 610-я аудитория в главном здании института – «стекляшке». Для проведения советов факультета и других мероприятий – 611-я аудитория. Здесь же проводились и учебные занятия. Рядом с кафедрой вывешивались учебное расписание и студенческая газета, где проявлялось студенческое остроумие и разрешалось быть остроумными и преподавателям. Запомнилось студенческое: «Стипендия – это не способ обогащения, но в ней что-то есть».

«Хорошие манеры состоят из маленьких жертв», – говорил Честерфилд. «Молодые люди, жертвуйте, и вам воздастся», – с энтузиазмом вторили ему девушки историко-английского факультета. Среди преподавателей особым остроумием отличался заведовавший кафедрой Раиль Гумерович Кузеев.

О названии кафедры никто особенно не задумывался (в трудовой книжке у меня значится, что я была принята на должность доцента кафедры истории

Людмила Михайловна
Максимова

СССР). Кафедра, как и факультет, находилась в процессе формирования, но фактически это была кафедра истории СССР и всеобщей истории, просуществовавшая до 1987 года. В 1974 году на кафедре работали: Раиль Гумерович Кузеев, Людмила Михайловна Максимова, Татьяна Алексеевна Леонова, Надежда Николаевна Чернова, Владимир Степанович Горбунов и Валерий

Борисович Кузнецов. Практически все были приглашены на кафедру Рустемом Гумеровичем. Отношения на кафедре были доброжелательные, даже дружественные. Помню, как однажды, после заседания кафедры, не желая расставаться, гурьбой шли до Центрального рынка вместе с Раилем Гумеровичем, обсуждая что-то интересное.

В.С. Горбунов пришёл на кафедру из БГУ, полагаю, что его рекомендовал Р.Г. Кузееву профессор Р.В. Филиппов: Владимир Степанович заслуженно пользовался у Филиппова большим уважением. Как истинный археолог, для которого ещё в ранней молодости археология стала не только профессией, но и «образом жизни», он, пока только лаборант, просиживал в своём кабинете на истфаке БГУ, как говорится, дни и ночи. Кабинет был завален археологическими артефактами и был притягательной силой для студентов истфака и молодых сотрудников. Являясь выпускником вечернего отделения исторического факультета БГУ, Владимир Степанович достиг многого – доктор исторических наук, профессор. Неоднократно встречала его с очаровательной женой Валентиной Юрьевной на премьерных спектаклях в оперном театре, разговаривали, обменивались

впечатлениями. Где-то в 80-е годы уже проректор Владимир Степанович любил говорить: «Теперь московской аспирантурой никого не удивишь!» Рустем Гумерович считал иначе и «птенцов своего гнезда» посылал в аспирантуру в педагогические вузы Москвы и Ленинграда.

Валерия Борисовича Кузнецова рекомендовала Рустему Гумеровичу я. Он был приглашен на кафедру в качестве лаборанта, с перспективой на будущий год читать курс Новой истории, что и произошло. Валерий Борисович, человек с тонкой душевной организацией, способный, остроумный, глубоко порядочный. Когда у него, по каким-то случайным причинам, не сложилось с поступлением в московскую аспирантуру, мудрый Рустем Гумерович послал его в Ленинград, где он и защитил кандидатскую диссертацию. В 1974 году на кафедре мы дарили друг другу книги. Валерий Борисович любил хорошую поэзию и знал в ней толк. Он подарил мне новое академическое издание Шарля Бодлера «Цветы зла», встреченного интеллигенцией 70-х с большим интересом.

Надежда Николаевна Чернова, выходец из знаменитого села Леуза Кигинского района, очень хорошенькая девочка, дочь директора школы. Кто её рекомендовал ректору БГПИ, не знаю. Из этого же села и большая семья Бондаренко – трёх поэтов. Доктор философских наук, профессор БГПУ В.Н. Бондаренко – оригинальный поэт, автор более пятнадцати поэтических сборников.

Серьёзной проблемой для открывавшегося факультета являлось отсутствие специальной учебной литературы. Её добывали все. Раньше других этим начала заниматься Татьяна Алексеевна, а с 1974 года и все другие члены кафедры: приносили собственные книги, у кого они были, ходили по книжным развалам, куда из районов свозили ненужную там литературу. Порой удавалось найти довольно ценные экземпляры. Я лично ездила в Москву в библиотеку гуманитарных факультетов МГУ, где по нашей

просьбе подобрали очень много учебной литературы и монографий по всем историческим специальностям. Рустем Гумерович посылал в Москву за литературой грузовую машину! Уверена, что и сейчас в библиотеке исторического факультета можно найти книги со штампом МГУ.

Трудно было определиться с секретарём факультета. В первых числах сентября я пригласила на эту должность девушку-заочницу из БГУ, умевшую печатать на пишущей машинке. Она проработала с месяц или полтора и ушла, собственно, была уволена за ненадлежащее отношение к своим обязанностям. Затем была приглашена Роза Илларионовна Савельева. Стало работать легче. Она имела высшее образование, была специалистом по английскому языку, но не преподавала, хотя и надеялась. К сожалению, слабое здоровье не позволило ей осуществить это намерение. Третьим по счёту секретарём стала Фаниля Кинзябаева, или Фенечка, как её ласково называли на факультете. «У нас теперь и секретари с высшим историческим образованием», – весело говорил Рустем Гумерович.

Раиль Гумерович Кузеев – этнограф, яркий учёный, большой умница, обаятельный и интеллигентный человек, по просьбе своего родного брата Рустема Гумеровича заведовал кафедрой на общественных началах. Он взял на себя чтение лекций по русской средневековой истории на первом курсе (история СССР периода феодализма – официальное название предмета). В ту пору он являлся вице-президентом Башкирского филиала Академии наук СССР. До работы в БГПИ я не знала его лично, но видела на конференциях БашФАНа. С интересом и уважением наблюдала, как он проводил научные конференции. Он обладал особым умением создавать в зале, где проходила конференция, творческую и вместе с тем непринуждённую, почти домашнюю обстановку, где дышалось легко и свободно.

На кафедре все любил Раиль Гумерович, авторитет его был необыкновенно высоким. Общение с ним всегда доставляло удовольствие и радость. В памяти осталось впечатление от однажды увиденного в конце дня его рабочего стола в кабинете президиума БашФАНа, куда однажды заглянула по каким-то делам: он был совершенно пуст! Все бумаги были убраны до следующего дня. Это было системой его работы: чёткость, упорядоченность, аккуратность. Теперь этот кабинет – мемориальная комната его имени.

Вспоминаю день 23 февраля 1975 года, когда Раиль Гумерович вернулся из Индии, где принимал участие в научном симпозиуме. Приехав вечером из аэропорта сразу к нам на кафедру, он сдержал обещание, данное накануне поездки: праздничный день 23 февраля быть вместе с нами. Встречали Раиля Гумеровича весело и с восторгом. Выбрали кого-то из женщин кафедры для поздравления и целования. Состоялось праздничное застолье. Уставший от поездки Кузеев раньше других покинул кафедру. Ему подали пальто и шапку, и он ушёл. Позднее, когда собрался уходить В.С. Горбунов, тогда просто Володя, оказалось, что Раиля Гумеровича нарядили в его, Володину, ондатровую шапку. Надеюсь, что Владимир Степанович помнит это смешной случай, когда он покинул кафедру в шапке Раиля Гумеровича. Эти события происходили в «стекляшке».

Шутка, юмор были важной составляющей нашей жизни на кафедре, факультете, да и в институте в целом. Весна 1975 года была нервной, сопровождалась неожиданной сменой погоды. Даже в начале марта я продолжала ходить на работу в маленьких и, как мне казалось, очень симпатичных валеночках, переобуваясь на кафедре. Отлучилась по делам на непродолжительное время, а, вернувшись, со смущением обнаружила свои валеночки на моём столе, аккуратно поставленными на попа. Пришлось уже на следующий день учсть «критику»

членов кафедры и передеться во всё весеннее. Правда, вышло мне всё это боком: я сильно простыла – 8 марта на скорой помощи меня отвезли в больницу.

В 1974 году был осуществлён третий набор историко-английского факультета (две группы). Мне вручили (если не ошибаюсь, сделал это проректор Э.Ш. Хамитов) билеты вступительных экзаменов за прошлые годы, составленные историками КПСС. Билеты мне не понравились, показались недостаточно профессиональными. Я попросила разрешения переделать их как специалист по отечественной истории, имевший опыт участия во вступительных экзаменах на истфак БГУ. Эдуард Шайхуллович, просматривая новый вариант билетов, спросил с улыбкой: «Вы хотите, чтобы к вступительным экзаменам на ваш факультет относились серьёзнее?» Я подтвердила. «Историки отвоёвывают своё пространство, и это правильно», – заключил Эдуард Шайхуллович.

В 1974 году был осуществлён и первый большой набор на заочное отделение, чисто историческое. На одном из советов факультета, где присутствовали Рустем Гумерович и проректор по учебной работе Эдуард Шайхуллович Хамитов, было заявлено о предстоящем официальном открытии факультета. Оно состоялось в том же году. Было большое собрание студентов и преподавателей в главном корпусе института («стекляшке»), сняли с последней пары и студентов дневного отделения. Рустем Гумерович был переполнен светлыми чувствами, говорил эмоционально, с большим подъёмом об открытии исторического факультета, состоявшего в ту пору фактически из двух отделений: дневного – историко-английского и заочного – исторического. Я не запомнила, что Рустем Гумерович говорил «дневникам», но помню, что, обращаясь к только что принятым заочникам, он подчёркивал, что они – наши первенцы и наше историческое будущее. Я как декан тоже должна была приветствовать факультет. В центре нашего внимания,

как мне мне показалось, оказались именно заочники. Начала с шутки (это было допустимо): «Мы тут подумали и решили принять на исторический факультет всех своих». Небольшая пауза, улыбки, смех. Рустем Гумерович заразительно смеялся: «Ну, конечно же, всех своих, конечно!» Он никогда не был зашоренным администратором, был человеком живым, способным оценить шутку, при случае умел пошутить и сам. Я продолжала: «Ими на 99,9 % оказались сельские учителя, не имевшие высшего педагогического образования, работники культуры на селе, представители сельской администрации, решившие расширить свой кругозор посредством исторических знаний...» На оставшиеся 0,1% приходился студент Вильданов (хотя о нём в ту пору я не помнила), уже не очень молодой, но и не старый, начальник какой-то строительной организации, не имевший высшего образования, ездивший на факультет на легковом автомобиле – невиданная роскошь по тем временам.

Заочники были тронуты отношением к ним ректора, настрой был какой-то возвышенный. Этот набор состоял из студентов достаточно взрослых и, видимо, не бедных, так как на свои средства они заказали ужин в кафе, чтобы отметить открытие факультета, куда пригласили и всех преподавателей. «Дневников» не приглашали. Состоялся праздник, и если я правильно помню, кафе находилось на перекрёстке улиц Зорге и 50 лет СССР, недалеко от Дворца спорта. Недавно мне напомнили, что оно называлось «Встреча».

Для меня лично эти события имели любопытное продолжение. Минувшего года два или три, приближался Новый год. У меня была срочная работа, а я не смогла «побегать» по продуктовым магазинам, чтобы, постояв в очереди, закупить праздничных продуктов. Традиционно накануне праздников «выбрасывали» (популярное слово той поры) московскую колбасу очень хорошего качества, фрукты и ещё что-то. Пришла под вечер

домой – в холодилнике пусто. Пусто в продуктовый магазин в своём дворе – там тоже пусто. Возвращалась домой удручённая, и тут во дворе меня остановил молодой человек, радостно приветствовавший меня по имени-отчеству: «Я Тагир (назвал фамилию, которую я, к сожалению, не запомнила), вспомните меня, пожалуйста. Вы должны меня помнить. Такой был момент – открывали исторический факультет. Вы были тогда деканом». Назвал несколько фамилий однокурсников. Как оказалось, у него в магазине, из которого я возвращалась с пустыми руками, работала на кассе жена. Запомнилось, как он важно называл её инкассатором. Он спросил, что мне нужно, взял у меня деньги, хозяйственную сумку и вернулся минут через 10-15. Сумка была набита роскошными по тем временам продуктами: превосходными сосисками уфимского производства (не подозревала о существовании в Уфе таких), вожделенной московской колбасой (ну, просто валюта!), какими-то фруктами. Я вернулась домой с этими немислимыми богатствами, не знала, смеяться или плакать. Решила радоваться, считая, что это мне неожиданная награда за мою былую деканскую деятельность.

Как-то в середине 1974 года Рустем Гумерович попал в больницу. Мы с Александрой Ивановной Фроловой, деканом инфака, собирались его навестить. Александра Ивановна, уже немолодая, как мне казалось в ту пору, симпатичная женщина и внимательный человек, иногда навещалась в «стекляшку» к историко-англичанам, своим бывшим подопечным. Накануне визита в больницу я приобрела небольшой по объёму и формату сборник рассказов Василия Шукшина. Была изумлена, так как знала Шукшина только как прекрасного артиста. Знакомство с Шукшиным-писателем меня приятно удивило. Этот сборник я понесла Рустему Гумеровичу и сказала, что даю его лишь для прочтения. Шукшин произвёл на Рустема Гумеровича неизгладимое впечатление. Он был вос-

хищён его рассказами и хотел, чтобы эту книжку прочитали и его дети. Сборник пришлось подарить.

Фактом своего появления в Уфе я обязана Рустему Гумеровичу. Меня с ним познакомили в Москве аспиранты из Уфы, когда я искала место для распределения после окончания аспирантуры и защиты диссертации в МГУ. Рустем Гумерович содействовал моему трудоустройству в БГУ, где он в 60-е годы заведовал кафедрой. Вместе с заведующим кафедрой истории СССР досоветского периода, куда я хотела распределиться, он был у ректора БГУ и рекомендовал меня.

Открытый и обаятельный Рустем Гумерович аристократом себя не считал, но, между тем, умел говорить женщинам тонкие комплименты. Зимой 1970 года, когда я появилась в Уфе, было мучительно холодно, и я даже хотела уехать из Башкирии. Уставшая и замёрзшая, на улице неожиданно встретила Рустема Гумеровича. Он весело и радостно на меня посмотрел и сказал: «Как Вам идёт, Людмила Михайловна, башкирская зима». Так я и осталась в Уфе. И потом, с середины 90-х годов, когда я работала в Аграрном университете и читала курс этикета (прежде всего светского этикета), где в плане практических занятий стояла тема «Комплименты», я успешно использовала эту реплику Рустема Гумеровича в качестве удачного примера. Так Кузеев стал для меня классиком одного из предметов культурологии.

Замечательным помощником и соратником Рустема Гумеровича был проректор по учебной работе Эдуард Шайхуллович Хамитов, умный, трезво мыслящий администратор, к которому я неоднократно обращалась при решении на факультете учебных вопросов. Он умел внимательно выслушать, всегда вникнуть в суть вопроса, найти самое разумное решение. Работать с ним было просто и приятно. Эдуард Шайхуллович – физик по специальности. В моём сознании он и более эмоциональный Рустем

Во время летней практики

Гумерович представляли собой удачный тандем «физика и лирика» (проблема, в 1960-е годы особенно широко обсуждавшаяся, но не забытая и в 1970-е). Мне представляется, что Эдуард Шайхуллович как-то особенно хорошо относился к историкам, что было следствием его продолжительной работы с Руستمом Гумеровичем. Приглашение на должность проректора в период ректорства Эдуарда Шайхулловича совсем молодого представителя исторической науки Владимира Степановича Горбунова было связано, по моему мнению, и с этим. Высокий статус историка в институте выразился и в приглашении на должность декана инфака историка – бывшего секретаря парткома института Хусаина Хакимзяновича Лукманова.

Из преподавателей-«англичан» на факультете визуально помню многих, но пофамильно лишь некоторых: Венеру Мухаметовну Калимуллину, Фуата Мансуровича Мамаева, Татьяну Григорь-

евну Миролюбову и Нелли Мидхатовну Имашеву.

Венера Мухаметовна Калимуллина на моей памяти работала с 3-м курсом историко-английского отделения в 1975/1976 учебном году, когда я с ней и познакомилась. Она как-то особенно и заинтересованно говорила о студентах, с которыми работала, мне это нравилось, и мы с ней подружились. Впоследствии Калимуллина перешла на работу в БГУ, защитила не только кандидатскую, но и докторскую диссертацию, заведовала много лет кафедрой английской филологии БГУ. Была она человеком отзывчивым, гостеприимным, очень любила чёрный кофе, великолепно его готовила и угощала своих друзей. В 2012 году умерла – диабет. Теперь я понимаю, что ей нельзя было не только злоупотреблять чашечкой крепким кофе, но даже употреблять этот напиток. Популярный среди инфаковцев кофе в зёрнах считался в кругах интеллигенции, особенно молодого поколения,

признаком хорошего тона и даже некоего аристократического шарма.

Запомнила я также и Фуата Мансуровича Мамаева, яркого преподавателя и человека, редкого красавца, всегда в очень приятных, отлично выглаженных сорочках высокого качества. У него была очень красивая английская речь, великолепная дикция. Он был, если не ошибаюсь, первым заведующим кафедрой английского языка на факультете. Наши студенты историко-английского дневного отделения, противопоставляя себя студентам инфака, гордо заявляли, что инфаковцы в общечитии крутят очень популярного в то время «Чёрного кота», а они с наслаждением слушают записи английской речи своего любимого Мамаева.

После отъезда Мамаева на новое место работы и жительства в Москву, кафедрой стала заведовать Нелли Мидхатовна Имашева. Дочь первого секретаря обкома КПСС, она была объектом пристального внимания коллег. Я тоже наблюдала за ней с интересом. Она, младшая и особенно любимая дочь, не была избалована. В семье, судя по всему, культивировались традиционные человеческие ценности – трудолюбие, ответственность и дисциплинированность, а также уважение к родителям. В общении она была открыта и доброжелательна. Будучи студенткой инфака БПИИ, училась на свои честные четвёрки и пятёрки. Кандидатскую диссертацию писала, обучаясь в заочной аспирантуре в Москве. Определиться с аспирантурой, научным руководством, а возможно, и темой диссертации ей активно помогал Грибановский, коллега с инфака, уже защитивший кандидатскую диссертацию и имевший свежие знакомства в Москве.

При первой встрече с Нелли Мидхатовной я обратила внимание на её неординарную внешность. По-европейски удлинённое и нежное лицо, немного непривычное в нашем регионе, осветлённые тонкие волосы, безыскусно лежавшие на плечах, ещё более удлиняли лицо, и,

казалось мне, не украшали облик молодой девушки. Я, грешница, подумала про себя, что ей с такой внешностью, трудно будет выйти замуж. У меня возникло к ней чувство женского участия, и я посоветовала ей изменить причёску и даже отправила к хорошему парикмахеру. Ей сделали короткую стрижку, умело причесали, и она мгновенно преобразилась. На первый план вышли теперь достоинства: редкостный, какой-то особенный розово-матовый цвет лица, симпатичные тёмные глаза и прелестный носик. Передо мной предстала красавица. Я же чувствовала себя Пигмалионом, сотворившим Галатею. По пути домой со смущением выяснила, что она давно замужем за парнем-красавцем, сыном Галии Имашевой, известного художника-декоратора Башкирского драматического театра, что у неё уже есть сынок и что муж, будучи женихом, с нетерпением дожидался её совершеннолетия, чтобы взять в жёны.

Хорошие отношения с Нелли Мидхатовной позволяли мне попросить её содействия в приобретении двух томов Василия Шукшина. Передавая мне Шукшина, она сказала, что этого писателя не любит, так как считает его грубым. Ей, молодой и очень счастливой в ту пору женщине, нравились изысканные романы о любовных страстях, красивых ухаживаниях, в том числе роман Маргарет Митчелл «Унесённые ветром».

Татьяну Григорьевну Миролубову помню как заместителя декана, когда таковым стал после меня Евгений Кадирович Миннибаев. Полагаю, что его должность уже оплачивалась. Татьяна Григорьевна работала на общественных началах в должности замдекана два года (1975–1977 гг.).

Татьяна Григорьевна была любимым студентами преподавателем, общительным и ярким человеком. Высокая, экстравагантная молодая женщина с копной вьющихся волос, лежавших у неё на плечах, носила брючные костюмы, которые ей очень шли. И кто-то из наших женщин сказал ей комплимент:

«Как идут Вам эти брючки. Извините, конечно». Извинение приходилось на слово «брючки», на что Татьяна Григорьевна серьёзно ответила: «Ну что Вы, на днях заведующий кафедрой педагогики высказался ещё определённое. Он весело съязвил, что мне идут эти «штанишки»». Брючные костюмы в середине 70-х годов были едва ли ни писком моды, непривычным для окружающих, тем более для консервативного в одежде тогдашнего состава кафедры педагогики. Не могла молодая «англичанка», что совершенно естественно, следовать этим вкусам даже при всём её уважении к кафедре педагогики и её заведующему.

Миролюбову сменила также работавшая на общественных началах Ангелина Алексеевна Евдокимова, в девичестве Чемикосова. Вспоминаю её девичью фамилию потому, что знаю её как преподаватель и куратор студенческой группы с 1971 года, когда она была студенткой 2-го курса исторического факультета БГУ. Светленькая крепкая симпатичная девочка из учительской семьи, хорошо учившаяся, приехала в Уфу из Ростовской области. Лидер по характеру, именно она традиционно выступала главным организатором неоднократных встреч однокурсников, выпускников 1975 года, собиравшихся в Уфе из разных концов России и ближнего зарубежья. На эти встречи приглашались и преподаватели.

Она убеждённый медиевист, влюблённый в свою профессию, но ей интересен не только средневековый Запад, но и многоликий Восток, с его особой гармонией чувств и представлений, особой ментальностью. Так повелось, что Ангелина Алексеевна дарила мне свои учебные пособия и учебники. Первой такой книжкой было учебное пособие «Человек и мир в японской классической прозе». История Востока заняла в профессиональной работе Ангелины Алексеевны существенное место: учебники, курсы лекций. В частности, «История стран Востока в новое время», изданная в Уфе в 2009 году, и переизданная солидным

ростовским издательством в 2010 году, произвела на меня хорошее впечатление.

Ангелина Алексеевна шла по жизни, преодолевая многочисленные неблагоприятные, а зачастую и сложные жизненные ситуации, что научило её быть собранной, ответственной и дисциплинированной, даже порой жестковатой. В градиации «физики и лирики», уже использованной мною, она, скорее, физик, чем лирик, но не в чистом виде. Своих студентов водила на хорошие спектакли Русского драматического театра, по моему приглашению приводила студентов педагогического университета и на концерт симфонического оркестра. С нею мы слушали неоднократно спектакли в оперном театре. В филармонии и Шалапинском зале Академии искусств мы слушали юное дарование Уфы виолончелиста Антона Павловского.

Отвлекусь на минуточку. Теперь Антону, окончившему уже аспирантуру в Московской консерватории, родная Уфа в 2011 году предоставила сцену самого оперного театра. Там же выступала и Лидия Валеева (фортепьяно), студентка Московской консерватории, ещё одно уфимское дарование. Горжусь Уфой, в которой уже не живу!

Евгений Кадырович Миннибаев сменил меня на посту декана осенью 1975 года. Высокий и красивый молодой мужчина, безусловно, обладавший деловыми качествами – умел «достать», «пробить», договориться на выгодных условиях, скорректировать неудачные действия и выйти победителем. Высоко ценимые полезные связи у него всегда имелись. Здание, где расположился истфак БГПИ, было очень старым и требовало основательного ремонта, и, хотя мне нравилось руководить факультетом, я считала оправданной передачу деканства ему. Вспоминаю, что он достал и для моей квартиры красивый и дефицитный в ту пору линолеум, привёз его и даже внес в квартиру. По каким-то делам и я побывала у него дома, была представлена его жене, познакомилась с дочерью. Евге-

ния Кадыровича встречала и на хороших концертах в филармонии.

Марат Барыевич Ямалов, заведовавший кафедрой практически с 1977 года, талантливый учёный и хороший педагог. Вспоминаю кино клуб, существовавший в БГПИ во второй половине 70-х годов, который посещали и семейными парами, смотрели хорошие фильмы из мировой классики. Увлекались итальянским неореализмом. Помню фильм Федерико Феллини «И корабль плывёт...», который впервые посмотрела именно в этом кино клубе. Из семейных пар запомнила яркого педагога из БГУ Софью Шмаевну Овруцкую с мужем – писателем Дмитрием Петровичем, и Марата Барыевича с его очень симпатичной женой Галиной, зоологом.

И еще несколько слов о Марате Барыевиче как поэте, философски осмысливающим свое время и себя в нем. Получила недавно по почте его стихотворный сборник «И мысленно года благодарю...». Это размышления зрелого и неординарного ума о прошедшем и настоящем России, малой родины и личностном, прониженном. Зачиталась.

В далёких семидесятых я водила студентов историко-англичан в оперный театр, осмысленно подходя к выбору репертуара и подготовке к восприятию каждого спектакля. Бывали случаи, когда к нам присоединялись один-два студента заочника. Считала своим долгом рассказать об удивительном человеке, начальнике Уфимской губернии начала XX века, энтузиасте А.С. Ключарёве, которому Уфа обязана зданием театра оперы и балета, заложенном в 1909 году как «Народный дом» – всероссийская просветительская мода той поры. Я рассказывала студентам об улице Октябрьской Революции, когда-то главной в Уфе, и о других старых улицах нашего города. От студентов я получала порой невероятные по значимости для меня знаки внимания и гордилась этим. Памятным для меня осталось посещение мною историко-англичан в общезитии,

где проводила беседу о поэзии. Я рассчитывала на камерное мероприятие, а зал оказался полным. На прощание студенты подарили мне изрядно потрепанную зачитанную до дыр «Роман-газету» с повестью А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». В 1974 году это было небезопасно. Этот подарок я хранила много лет.

В судьбе одного нашего заочника, тогда студента первого курса Петра Алексева, я приняла посильное участие. Молодой человек показался мне неординарным. Я решила, что он достоин университетского образования, повела на истфак БГУ и попыталась убедить декана К.Г. Газизова, хорошо ко мне относившегося, изыскать возможность зачисления талантливого студента на дневное отделение. Не получилось. Тогда я посоветовала Петру поехать в Москву (благо, дорога по тем временам была недорогой) и попытаться поступить на истфак МГУ. В случае неудачи он имел возможность вернуться в БГПИ. Петр оказался настойчивым, сумел поступить на подготовительное отделение истфака МГУ, затем стал студентом истфака, специализировался по кафедре древней истории, долго работал в Академии наук РФ. Затем в газете «Известия».

* * *

Считаю опыт соединения истории и английского, особенно, в условиях 70–80-х годов XX века в рамках одного факультета достаточно удачным. Наши историко-англичане гордились тем, что углублённо изучают язык международного общения. Это не только не мешало истории, но и усиливало стремление понять, где мы в мировом культурном пространстве, стимулировало интерес к мировой истории и культуре.